

Часть I

1

Получив письмо, Даниэль поначалу даже подумал, что оно из ада.

Конверт был самый обычный, довольно пухлый, из желтоватой крупноволокнистой бумаги. Назваться отправитель не счел нужным, однако небрежные, едва разборчивые прописные буквы, которыми словно бы в спешке были накорябаны имя и адрес Даниэля, выдавали почерк брата.

Вот только вряд ли письмо было от Макса. Насколько помнилось Даниэлю, он и открытки-то от него в жизни не получал. Если уж Макс и связывался с ним, то исключительно по телефону.

Марка была иностранной. При ближайшем рассмотрении оказалось, что на ней написано вовсе не «Helvete», «ад» по-шведски, как он сперва испугался. Плохо пропечатанный штемпель гласил: «Helvetia» — Швейцария.

Даниэль прошел с письмом на кухню, где бросил его на стол и принялся возиться с кофе-машиной. Дома вечерами он предпочитал полноценному ужину чашку кофе с парой бутербродов. Обедал он обычно в школьной столовой, а поскольку жил один, готовить по вечерам лишь для себя одного ему представлялось чересчур хлопотным.

Старенькая кофе-машина наконец-то затарахтела, и Даниэль принялся вскрывать конверт хлебным

ножом, однако руки у него почему-то тряслись и не слушались. Стало вдруг тяжело дышать, словно в горле застрял слишком большой кусок. Ему даже пришлось сесть.

Вызванные так и оставшимся запечатанным письмом чувства в точности повторяли те, что охватывали его и при каждой встрече с Максом. Ликование, что наконец-то увиделись, порыв подбежать к брату и крепко его обнять. Тем не менее что-то неизменно удерживало его от подобного проявления чувств. Какая-то смутная пронизывающая тревога.

— Ну прочитать-то я могу, что он там пишет, — произнес вслух Даниэль на удивление твердым голосом, словно вместо него вдруг заговорил кто-то другой, более рассудительный.

Он крепко сжал рукоятку ножа и вскрыл конверт.

2

Гизела Оберманн сидела лицом к большому панорамному окну и созерцала горный массив по другую сторону долины. Она поймала себя на мысли, что гладкая и желтоватая скалистая стена здорово смахивала на лист бумаги, а в каких-то черных крапинках и вовсе мерещились буквы.

На самом верху каменный оплот венчала бахрома отважных елей. Некоторые подобрались слишком близко к обрыву и теперь нависали над ним, подобно сломанным спичкам.

Лица за столом для совещаний расплывались в льющемся из-за спин свете, голоса зазвучали приглушенно, словно кто-то повернул ручку громкости.

— Ожидаются какие-нибудь визиты на этой неделе? — осведомился кто-то.

Она чувствовала себя как выжатый лимон, мучительно хотелось пить. А все из-за вина прошлым вечером. Впрочем, не только из-за него.

— Значится один родственник, — отозвался доктор Фишер. — К Максу. Но на этом вроде и все.

Сонливость Гизелы как рукой сняло.

— И кто же к нему наведывается? — удивленно спросила она.

— Брат.

— А... Мне казалось, они не общаются.

— Визит наверняка пойдет Максу на пользу, — заметила Хедда Гейне. — Его у нас еще ни разу не навещали, так ведь?

— Возможно.

— Да, это первый гость к нему, — подтвердила Гизела. — Вот и прекрасно. Сейчас дела у Макса обстоят превосходно. На днях он меня просто поразил — такой счастливый и спокойный. Да-да, встреча с братом определенно пойдет ему на пользу. Так когда он приезжает?

— Сегодня днем или вечером, — ответил Карл Фишер и, бросив взгляд на часы, принялся собирать бумаги. — Так мы закончили?

Рыжебородый мужчина на пятом десятке беспокойно поднял руку.

— Да, Брайан?

— О Маттиасе Блоке никаких вестей?

— Увы, никаких. Но поиски все еще ведутся.

Закончив возиться с бумагами, доктор Фишер поднялся. Его примеру последовали и остальные.

Кто бы сомневался, сокрушенно подумала Гизела Оберманн. Сегодня приезжает брат Макса, а ее — на минуточку, его лечащего врача — даже не потрудились известить.

Вот все здесь так делается. Поэтому-то она так и устает. Ее безграничная энергия, некогда с легкостью

преодолевавшая любые препятствия, здесь совершенно бессильна. Просто отскакивает от окружающих стен и замыкается накоротко в ней самой.

3

Поток пассажиров вынес Даниэля к выходу из аэропорта, возле которого дежурила группка таксистов, вооруженных картонками с написанными от руки именами. Даниэль указал на табличку со своим именем и произнес по-немецки:

— Это я.

Таксист кивнул и проводил его к восьмиместному микроавтобусу. Больше пассажиров как будто не ожидалось. Даниэль забрался внутрь, пока водитель возился с его багажом.

— Далеко ехать?

— Около трех часов. Мы сделаем остановку по пути, — ответил водитель и задвинул дверцу.

Выехав за пределы Цюриха, машина двинулась вдоль большого озера, окруженного лесистыми горами. Даниэль был не прочь расспросить водителя о кое-каких достопримечательностях по дороге, однако их разделяла стеклянная перегородка. Так что он сидел себе, откинувшись на спинку сиденья, и то и дело задумчиво поглаживал бороду.

Его решение об этой поездке, приходилось признать, было продиктовано отнюдь не только братским участием. Нынешняя финансовая ситуация Даниэля оставляла желать лучшего. Да и эта временная работа в школе должна закончиться уже осенью, когда вернется из декретного отпуска постоянная учительница. Может, потом удастся подрабатывать замещающим преподавателем, ну еще с переводов что-то

получать. Как следствие, этим летом поехать отдыхать куда-либо Даниэль позволить себе определенно не мог, так что предложение Макса оплатить билет в Швейцарию оказалось весьма заманчивым. После посещения клиники он сможет поселиться на целую неделю в небольшом отеле в предгорье и наслаждаться не особо изнурительными походами по живописным окрестностям.

За окном микроавтобуса мелькали деревья — вязы, ясени, лещина. Берег озера усеивали аккуратные домики с ухоженными садами. Над дорогой лениво парили какие-то большие коричневые птицы.

Последние несколько лет Даниэль с братом практически не общался. Как и он сам, Макс проживал за границей — сначала в Лондоне, потом в других местах, где, насколько Даниэлю было известно, он занимался тем или иным бизнесом.

С самой юности Макса беспрерывно бросало от успеха к неудаче — причем и то, и другое, безусловно, являлось его собственной заслугой, а не какой-то игрой судьбы. Начиная любой проект, он проявлял поразительную изобретательность и почти нечеловеческую энергию — только затем, чтобы, добившись желаемого и даже большего, внезапно полностью утратить интерес и с эдаким небрежным пожатием плечами отойти в сторону, в то время как его коллеги и клиенты отчаянно пытались связаться с ним по отключенным телефонам в брошенных офисах.

В ряде случаев долготерпеливому отцу братьев даже приходилось вмешиваться и вызволять Макса из очередных неприятностей. Возможно, именно волнения из-за непредсказуемости поведения сына в конечном счете и свели его в могилу. Однажды утром у него случился сердечный приступ, он упал на пол в ванной, и вскоре его не стало.

Проведенная в ходе одного из судебных разбирательств психиатрическая экспертиза выявила у Макса биполярное аффективное расстройство. Диагноз вполне объяснял тот загадочный хаос, что на протяжении всей жизни сопровождал его деятельность — дерзкие деловые предприятия, саморазрушительное поведение и, кроме всего прочего, неспособность поддерживать длительные отношения с женщинами.

Периодически телефон Даниэля раздражался звонком от брата, причем всегда в какое-то несусветное время, и голос Макса звучал так, что казалось, он несколько навеселе.

Когда умерла их мать, Даниэль чего только ни делал, чтобы разыскать брата, но тщетно. В итоге похороны прошли без Макса. Тем не менее новость каким-то образом все же достигла блудного сына, поскольку через пару месяцев он позвонил и поинтересовался местонахождением могилы матери, чтобы принести цветы. Даниэль предложил встретиться и сходить вместе, и Макс обещал связаться с ним по приезду в Швецию, однако этого так и не произошло.

Стеклянная перегородка отъехала в сторону, и водитель, быстро оглянувшись, сообщил:

— Скоро по пути будет кафе. Как насчет остановиться и перекусить?

— Есть я не хочу, но от кофе не отказался бы, — кивнул Даниэль.

Перегородка скользнула на место, и через некоторое время они остановились возле небольшого придорожного кафе. Не обменявшись меж собой ни словом, оба заказали эспрессо, и Даниэль даже радовался оглашающим зал звукам слащавой попсы.

— Бывали прежде в Химмельстале? — нарушил в конце концов молчание водитель.

— Нет, ни разу. Я еду навестить брата.

Водитель кивнул, словно уже знал об этом.

— Часто возите туда людей? — осторожно поинтересовался Даниэль.

— Время от времени. Вот в девяностых, когда там располагалась клиника пластической хирургии, работы было побольше. Черт, таких мумий доводилось возить! Не каждый мог позволить себе оставаться там, пока не затянутся швы. Помню, у одной женщины за бинтами только и было видно что глаза. И какие глаза! Опухшие, заплаканные и такие грустные-грустные. Ей было так больно, что она плакала не переставая. Когда мы остановились здесь — я всегда здесь останавливаюсь, это как раз полдороги от Цюриха, — она даже из машины не выходила, я принес ей апельсиновый сок с соломинкой. Сидела себе на заднем ряду и причмокивала. Ее муженек завел себе молоденькую любовницу, вот она и решила на подтяжку, чтобы вернуть его. Вот черт. Я держал ее за руку и говорил: «Все будет хорошо, не сомневайтесь. Вы будете прекрасно выглядеть». Эх, блин...

— А теперь? Что там сейчас за место? — продолжал допытываться Даниэль.

Чашечка водителя замерла в воздухе, и он бросил быстрый взгляд на собеседника.

— А вам брат не рассказывал?

— Да не особо. Кажется, говорил, это что-то вроде реабилитационной клиники.

— Точно, так и есть. — Водитель нетерпеливо кивнул и поставил чашечку на блюдце. — Так едем дальше?

Микроавтобус вновь двинулся в путь, и Даниэль задремал. Когда же он открыл глаза, вокруг простирались зеленые луга, залитые лучами заходящего солнца. Такого насыщенного зеленого цвета в природе он отродясь не видывал. Этот оттенок даже казался

каким-то искусственным, созданным посредством химических добавок. Наверно, все дело в освещении, решил Даниэль.

Меж тем долина значительно сузилась, и пейзаж изменился. Справа от дороги теперь вздымался почти вертикальный скалистый склон, и из-за отбрасываемой им тени в машине разом потемнело.

Внезапно водитель затормозил: прямо перед ними на дороге стоял мужчина в форменной рубашке с коротким рукавом и фуражке. За его спиной путь преграждал шлагбаум, а чуть поодаль был припаркован фургон, из которого как раз выбирался его коллега.

Водитель опустил окошко и перекинулся парой слов с подошедшим, в то время как второй охранник открыл заднюю дверцу их микроавтобуса. Стеклопанель перегородки так и оставалась задвинутой, так что разговора Даниэлю было не слышно. Он опустил окошко на своей дверце и прислушался. Мужчины дружелюбно болтали — похоже, о погоде. Немецкий диалект остановившего их человека Даниэль разбирал с трудом.

Затем мужчина в форме подошел к Даниэлю и попросил предъявить документы. Пролистав его паспорт, что-то сказал, но Даниэль снова не понял.

— Вы можете выйти, — перевел водитель, отодвинув в сторону перегородку.

— Мне обязательно выходить?

Водитель кивнул.

Даниэль выбрался из машины. Они остановились прямо у скалистого склона, поросшего мхом и папоротником. Кое-где вниз сбегали ручейки, и от горы исходил запах прохлады и чего-то кислого.

Охранник быстро проверил его металлодетектором, спереди и сзади.

— Долгий путь вы проделали, — произнес он довольно дружелюбно и вернул паспорт.

Его коллега тем временем просмотрел содержимое чемодана Даниэля, поставил багаж назад в салон, после чего закрыл дверцу.

— Да, сегодня утром вылетел из Стокгольма, — ответил Даниэль.

Мужчина с металлодетектором просунулся в открытое окошко и быстро провел прибором по заднему сиденью. Затем жестом дал понять, что закончил.

— Можете садиться обратно, — кивнул водитель Даниэлю.

Оба проверяющих отсалютовали, шлагбаум поднялся, и двигатель микроавтобуса снова ожил.

Даниэль подался вперед, намереваясь задать водителю вопрос, однако тот опередил его:

— Обычная проверка. Швейцарская скрупулезность, — и с этими словами нажал на кнопку, задвинув перегородку прямо перед носом Даниэля.

За окошком замелькала мшистая стена скалы, от которой звучно отражался шум двигателя.

Даниэль почувствовал себя неудобно. Проверка вновь пробудила его тревоги. Естественно, Макс позвал его отнюдь не ради дружеской встречи. Раз уж после стольких лет он все-таки решил с ним связаться, для этого должна была иметься веская причина. Даниэль был нужен брату.

Эта мысль одновременно и тронула его, и опечалила. Ну как он может ему помочь? После стольких лет, полных несбывшихся надежд, только и оставалось признать, что Макс уже ничем не поможет.

Даниэль попытался утешить себя доводом, что его приезд сам по себе является знаком доброй воли. Он примчался на зов Макса. Выслушает его, поддержит. А потом, через пару часов, снова покинет его. Что за этим последует нечто большее, Даниэль и мысли не допускал.

Микроавтобус круто взял влево. Даниэль открыл глаза. Взору его предстали холмистые луга, еловый лес и, чуть поодаль, деревушка и шпиль церкви. Какая-то женщина работала в саду, склонившись над целым морем георгинов. Заслышав шум двигателя, она выпрямилась и приветственно помахала совочком.

Водитель свернул на дорогу поуже, ведущую вверх по склону. Они проехали через небольшой лесок, и затем подъем стал еще круче.

Совсем скоро Даниэль увидел саму клинику — окруженное парком внушительное строение девятнадцатого века. Машина подкатила прямо к парадному входу, и после остановки водитель вытащил чемодан Даниэля и открыл пассажирскую дверь.

Хлынувший в салон воздух был таким чистым и свежим, что легкие Даниэля с непривычки даже вострепетали.

— Ну, вот мы и на месте.

4

Макс и Даниэль были близнецами, однако родились чуть ли не в разные дни. Когда их мать, тридцативосьмилетняя первородящая, после десяти часов тяжелейших родов в конце концов разрешилась одним из них, второй — Макс — так и оставался в ее утробе, явно намереваясь задержаться там подольше. Дело уже клонилось к ночи, и акушерка, тоже основательно вымотавшаяся, вздохнула и брякнула измученной матерью:

— Похоже, их дни рождения вам придется отмечать раздельно.

Пока Даниэля мыли и взвешивали, после чего он сладко заснул в кроватке, акушерка приготовила вакуумный

аппарат. Увы, присоска устройства категорически отказывалась закрепляться на упрямом и увертливом братце, вместо этого присасываясь ко внутренностям матери, угрожая вывернуть ее наизнанку, подобно свитеру. Когда же присоску наконец-то удалось приладить к нужному месту, Макс словно бы осознал, что на этот раз за него взялись серьезно, и тогда подстроился под новые обстоятельства и выдал первый из множества стремительных рывков, коими ему в будущем и предстояло поражать окружающих.

— Ага, попался, — довольно констатировал врач, однако добавить к этому ничего не успел, поскольку пойманная добыча совершенно самостоятельно и без всякой помощи вакуумного аппарата по водной горке из крови и слизи выскользнула наружу, набрала скорость и прилетела прямо врачу на колени.

До полуночи оставалось еще целых пять минут, так что день рождения у братьев все-таки получился один и тот же.

Без пяти двенадцать. Ну и как это стоило понимать?

Что Макс добивался неповторимости и ни за что не хотел рождаться в один день со своим братом, однако в последнюю минуту передумал и обособленности предпочел общность?

Или же это стоило понимать так, как понимали знакомые Макса, когда он являлся едва ли не в последнюю секунду на встречу, поезд или регистрацию на рейс и со смешком осведомлялся у паникующих друзей, чего еще они ожидали от родившегося за пять минут до полуночи: эдакий смертельный номер под куполом цирка, балансирование на самом краешке, способ добиваться внимания окружающих!

Первые годы жизни мальчики провели в родительском доме в Гётеборге. Отец их был успешным предпринимателем, владельцем собственной компании

по производству электронного оборудования, мать же до рождения сыновей изучала в университете — пожалуй, без какой-либо определенной цели — различные предметы, связанные с искусством.

Близнецы отличались с самого начала.

Даниэль хорошо ел, редко плакал и образцово соответствовал шкале физического развития.

Макс же развивался медленно, и когда по достижении возраста в двадцать месяцев он так и не заговорил, равно как и не выказал попыток самостоятельно передвигаться, мать забила тревогу и принесла малышей на прием к авторитетному педиатру в родной Упсале. Врач же, едва лишь увидев мальчиков вместе, тут же смекнула, что проблеме имеется довольно простое объяснение. Стоило лишь Максу засмотреться на какую-либо игрушку, в исследовательских целях поставленную перед близнецами, как Даниэль вставал на свои коротенькие ножки и приносил ее брату.

— Теперь вы сами всё видите, — обратилась педиатр к матери близнецов. — Макс, — ее ручка указала на мальчика, — просто не нужно ходить, раз Даниэль, — импровизированная указка переместилась в направлении другого малыша, — все ему приносит. Он еще и говорит, наверное, за брата?

Мать кивнула и объяснила, что Даниэль чуть ли не сверхъестественным образом вычисляет потребности и чувства Макса и посредством своего ограниченного, но весьма умело используемого словарного запаса доводит их до сведения окружающих. Например, сообщает, что Макс хочет пить, что ему жарко или нужно сменить подгузник.

Врача симбиотические взаимоотношения братьев обеспокоили, и она предложила на какое-то время их разделить.